

DOI 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-12-27

УДК 94(47).05

Дмитрий Николаевич Копелев

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-8317-7244

E-mail: kopell107@list.ru

Создание Российской империи и матримониальные замыслы Петра Великого

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена вопросам матримониальных замыслов Петра I, рассмотренной в фокусе великодержавной имперской политики. Создавая новые цепочки родственных связей с европейскими монархиями, император осуществлял интеграцию своей страны в единое династийное пространство, пытаясь тем самым легитимизировать позиции династии Романовых на европейской арене и укрепить статус России как ведущей мировой державы. Список интересующих его царствующих домов был обширен: в него входили германские Вельфы, Виттельсбахи и Мекленбурги, Ольденбургский дом, австрийские Габсбурги, французские и испанские Бурбоны, британские Стюарты. Включение представителей этих древних владетельных фамилий в матримониальные сети Петра I разрушало привычную московским государям иерархическую систему, придавая царствующему дому Романовых черты европейской монархии, неотъемлемым атрибутом которой выступали широкие родственные связи с королевскими правящими династиями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Петр I, дипломатия, династийные браки, Бурбоны, Стюарты, Яков III, якобитское движение, герцог Голштинский Карл Фридрих

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Копелев Д. Н. Создание Российской империи и матримониальные замыслы Петра Великого. *Кунсткамера*. 2022. 1(15): 12–27. doi 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-12-27

Dmitrii Kopelev

Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8317-7244
E-mail: kopell107@list.ru

Creation of the Russian Empire and the Matrimonial Plans of Peter the Great

ABSTRACT. The article is devoted to the issues of the matrimonial policy of Peter I, considered in the focus of the great-power imperial policy. Creating new chains of family ties with European monarchies, the emperor carried out the integration of his country into a single dynastic space, thereby trying to legitimize the positions of the Romanov dynasty in the European arena and strengthen Russia's status as a leading world power. The list of royal houses of interest to him was extensive: it included the German Welfs, Wittelsbachs and Mecklenburgs, the House of Oldenburg, the Austrian Habsburgs, the French and Spanish Bourbons, and the British Stuarts. The inclusion of representatives of these ancient sovereign families in the matrimonial networks of Peter I destroyed the hierarchical system familiar to the Moscow sovereigns, giving the reigning house of the Romanovs the features of a European monarchy, an integral attribute of which were broad family ties with the royal ruling dynasties.

KEY WORDS: Peter I, Diplomacy, Dynastic Marriages, Bourbons, Stuarts, James III, Jacobite Movement, Duke of Holstein Karl Friedrich

FOR CITATION: Kopelev D. Creation of the Russian Empire and the Matrimonial Plans of Peter the Great. *Kunstkamera*. 2022. 1(15): 12–27. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-12-27

Петровская эпоха никогда не перестанет привлекать к себе самое пристальное внимание. Объяснение тому кроется в масштабности осуществленных Петром I преобразований и его яркой личности. К анализу этой переломной эпохи обращались ученые, писатели и публицисты самых разных идейно-политических воззрений, совершенно по-разному, иногда абсолютно противоположными оценками сопровождая свои исследования бесконечно многообразных и противоречивых феноменов российской действительности XVII–XVIII вв. Однако в той или иной степени проблемы изучения тенденций преобразования России в эпоху петровской модернизации фокусировались на сюжетах, касавшихся природы российской цивилизации и ее институциональных характеристик. Начавшись как попытка выйти из острейшего структурного кризиса, охватившего все стороны экономической, общественно-политической, культурной и военно-административной жизни страны, петровские реформы по мере их проведения эволюционировали в русле общих тенденций развития государственных институтов Западной Европы. Петр I совершенно осмысленно, целеустремленно и даже деловито отбирал на огромном рынке культурных ценностей Запада то, что, как ему казалось, подходит для России. И многое из выбранного ломало старые патриархальные представления, найдя воплощение в новых правилах устройства административного управления, экономики, социальных структур и культуры.

В этих сложных процессах кардинальную трансформацию претерпела сама российская монархия и в немалой части система составлявших ее суть сетевых иерархий, благодаря которым, собственно, и функционировали институты власти. В первую очередь изменения коснулись кардинального вопроса, благодаря которому узаконивался сам принцип монархии, — стародавних систем тесно переплетенных между собой родственных связей, благодаря которым правящий дом Романовых оказался династийно вплетен в структуры европейских монарших фамилий.

Мы исходим из того, что европейский международный порядок в XVIII в. представлял собой иерархическую фамильно-династийную модель, господствующая роль в котором принадлежала нескольким доминирующим державам. В нашем случае Великобритании, Священной Римской империи, Франции, Испании, Швеции, где-то рядом располагались Дания и Польша. Разумеется, этот схематичный набросок относителен, так как параллельно существовала и оказывала существенное влияние огромная династийная вариативность в лице центрально-европейских, немецких и итальянских княжеств, марграфств и т. д. Все эти разномастные и разновеликие фамильные центры могли соединяться в самых немыслимых, казалось бы, сочетаниях, враждовать, воевать и нейтрализовывать друг друга. Система выглядела, на первый взгляд, достаточно неустойчиво, однако ее сформировавшийся тогда «скелет» сохранялся вполне жизнеспособным и в конце XIX в. В 1893 г. будущий император Николай II отправился в Великобританию с первым визитом и 18 июня записал в дневнике: «Через час прибыли на станцию Charing Cross. Там встретили: дядя Берти¹, тетя Аликс², Джорджи³, Луиза, Виктория, Мод⁴; через два часа приехали Апапа⁵, Амама⁶, и дядя Вольдемар⁷. Приятно, что столько нашего семейства собралось вместе. В 4-30 пошел к тете Мари⁸ в Clarence House и пил у нее чай в саду с дядей Альфредом и Даки⁹» (Мейлунас, Мироненко 1998: 46). Через год, 21 апреля 1894 г., в Кобурге внучка королевы Виктории принцесса Виктория Мелита вышла замуж за ее же внука Эрнста-Людвига, унаследовавшего великое герцогство Гессен-Дармштадтское. На свадьбу прибыли император и императрица, королева, будущие король и королева, семь принцев, десять принцесс, две герцогини и один маркиз. А сам

¹ Будущий Эдуард VII.

² Александра Датская.

³ Будущий Георг V.

⁴ Сестры Николая, из которых последняя выйдет замуж за принца Карла Датского, позже ставшего королем Норвегии Хоконом VII.

⁵ Кристиан IX Датский, дедушка Николая.

⁶ Королева Луиза Датская, бабушка Николая.

⁷ Их сын.

⁸ Мария Александровна, сестра Александра III, супруга Альфреда, герцога Саксен-Кобургского и Эдинбургского.

⁹ Их дочь Виктория Мелита.

Николай, обручившийся с Алике Гессенской, будет называть бабушкой королеву Викторию, а ее другие внуки, Вилли (Вильгельм II, кайзер Германии) и Джорджи (король Георг V) будут вести с ним дружескую родственную переписку.

В начале Петровской эпохи Романовы были весьма далеки от того, чтобы стать частью этого общеевропейского семейного предприятия, и царю Петру пришлось приложить немало усилий, чтобы закрепить за своей династией право почувствовать себя частью общей династийной системы. Одним из важнейших средств, способствовавших укреплению международного положения Российской империи, являлась, по мнению Петр I, успешная брачная политика (Попов 1998; 2000; 2001; Вульф 2001; Пчелов 2001). К этой вполне традиционной стратегии династических союзов представители династии Романовых прибегали и раньше (Юрганов 1998; Пчелов 2001), но «матримониальные приоритеты», как их понимал царь Петр Алексеевич, выходили далеко за рамки принятых московских норм. Во-первых, потому что изменяли исконной традиции «равенства по вере», в соответствии с которой главным критерием брачного избрания считалась принадлежность кандидата/кандидатки к православной вере (Филина 1993). Во-вторых, принципиально по-новому выстраивался матримониальный выбор и с точки зрения равнородности участников брака. Традиционно Романовы женились на русских дворянках изначально православного исповедания (Е. Л. Стрешнева, М. И. Милославская, Н. К. Нарышкина, А. С. Грушецкая, М. М. Апраксина, П. Ф. Салтыкова, Е. Ф. Лопухина), собственными руками закрепляя династическую изоляцию от остального мира¹⁰. В 1710-х годах в матримониальной политике Петра начали проявляться тенденции династийной интеграции, напомнившие В. О. Ключевскому «новый спорт — охоту вмешиваться в дела Германии» (Ключевский 1989: 75, 76), успешное «занятие» которым позволяло царю преодолеть фамильную изоляцию и начать закреплять за Московским государством статус европейской державы.

НЕМЕЦКИЕ ПАРТИИ ЦАРЯ ПЕТРА

Первый шаг был предпринят в 1710 г., когда единокровная племянница Петра Анна Иоанновна (28.01.1693 — 17.10.1740) была выдана в Петербурге замуж за курляндского герцога Фридриха Вильгельма III (19.07.1692 — 27.01.1711). Вскоре последовал второй шаг: в 1711 г. в Торгау (Саксония) Петр женил своего сына от первого брака и наследника престола царевича Алексея (18.02.1690 — 26.06.1718) на принцессе Шарлотте Кристине Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, дочери герцога Людвига Рудольфа Брауншвейг-Бланкенбургского и Вольфенбюттельского и принцессы Кристины-Луизы Эттинген, свояченицы австрийского императора Карла VI: старшая сестра Шарлотты Кристины Софии Елизавета Кристина (28.08.1691 — 21.12.1750) была матерью императрицы Марии Терезии (Морохин 2007; 2016; Писарева 2018). Вторую свою племянницу, Екатерину Иоанновну (29.10.1691 — 14.06.1733), царь в 1716 г. выдал замуж в Данциге: его выбор пал на недавно разведенного герцога Мекленбург-Шверинского (1713–1736) Карла-Леопольда (26.11.1678 — 28.11.1747), «грубого, необразованного, своевольного и в высшей степени взбалмошного владельца лоскутка Германии» (Семевский 1989: 82).

Характер жениха, разумеется, царя Петра волновал в последнюю очередь. Намного важнее было обеспечить присутствие русских войск на севере Германии. Заключенный брачный договор фактически означал русский протекторат над Мекленбургом: войскам Петра I обеспечивалась свобода передвижений внутри герцогских владений, а царь обещал Карлу-Леопольду предоставить в случае необходимости военную поддержку. В качестве приданого невесты значилась пока еще не захваченная у шведов крепость Висмар или 200 тыс. рубл. Петр также предоставлял ему десять

¹⁰ Предпринималась, впрочем, попытка породниться с грузинскими Багратионами (также православными): невестой Федора Алексеевича, по некоторым данным, была княжна Мария Ильинична Давыдова (из младшей ветви кахетинских Багратионов, переселившейся в Россию при царе Алексее Михайловиче), но и она окончилась неудачно (вспоминается также несостоявшийся брак царевича Федора Борисовича Годунова с кахетинской царевной) (Дворянские роды... 1996: 31).

полков русской пехоты для борьбы с внутренней оппозицией в лице местного рыцарства. Во всех гаванях Мекленбурга для русских кораблей устанавливался режим порто-франко, и Карл-Леопольд предоставлял свою территорию как плацдарм для русских военных операций против Швеции (Бантыш-Каменский 1896: 105–107). Вскоре зашла речь и о строительстве системы глубоководных каналов, благодаря которым можно было бы соединить Балтийское и Северное моря в обход Балтийских проливов (Зунд, Большой и Малый Бельт), что наносило чувствительный удар по монополии «зундских пошлин», собираемых в пользу Датской короны. Строительство канала открывало также перспективы для создания конкурентной торговой магистрали Персия — Каспийское море — Волга — Балтика, по которой в Европу поступали бы товары с Востока. Неудивительно, что подобный договор вызвал крайнюю озабоченность датской и британско-ганноверской дипломатии (Полиевктов 1907; Никифоров 1950; Фейгина 1959; Молчанов 1990; Бобылев 1990; Морохин 2017; Коротун, Сучалкин 2021).

На берегах Темзы с особыми опасениями наблюдали за опасными маневрами непредсказуемого «московита». При дворе короля Великобритании Георга I, бывшего одновременно курфюрстом Ганноверским, действия царя вызвали постоянную тревогу, так как русские войска теперь находились совсем рядом с немецкими владениями британского короля. Очередной всплеск недовольства вызвал, например, приезд царицы Екатерины Иоанновны в апреле 1719 г. в Петербург. Во время визита племянница Петра сообщила о желании герцога Карла-Леопольда принять его войска, три конных и четыре пехотных полка, на российскую службу (Труды и дни... 2004: 302; Бантыш-Каменский 1896: 113). И хотя на службу были приняты только два полка, этого оказалось достаточно, чтобы вызвать в Лондоне раздражение и серьезную озабоченность.

Да и не только в Лондоне. Царь вел дипломатическую и матримониальную игру так дерзко, что каждый его новый рискованный шаг мог нарушить сложившееся в Европе равновесие сил. Он прекрасно понимал, что внешняя политика — сложное переплетение тончайших нюансов, ее ведут расчетливо, продумывая каждый шаг и избегая прямых путей. Для достижения цели в ход идут тайные переговоры, закулисные интриги в стане противника, распространение ложной информации. Всегда приходится ожидать предательского удара в спину, быть готовым к крушению замыслов и никогда нельзя ставить точку в переговорах. Тем более в таком тонком деле, как подготовка брачного союза. В вопросах матримониальной стратегии царь не питал иллюзий и исходил из того, что его дочери, цесаревны Анна и Елизавета, внешне весьма привлекательные девушки, на европейском «рынке невест» «котируются» невысоко. В немалой степени причиной этого были слабые позиции Романовых в династической системе Европы и традиционная настороженность ведущих европейских государств в отношении патриархальной Московии. Seriously осложняли положение низкое происхождение матери цесаревен, простолюдинки Екатерины Алексеевны, урожденной Марты Скавронской, и их незаконнорожденность и, соответственно, сомнительный правовой статус. Об этих пикантных деталях, разумеется, при европейских дворах догадывались. «Старшая дочь царя родилась до брака», — конфиденциально сообщил в конце 1717 г. представитель двора изгнанного короля Великобритании Якова III Стюарта герцог Ормондский высокопоставленному яcobиту, генерал-лейтенанту французской службы Артуру Диллону, представлявшему интересы изгнанного короля при Версальском дворе (Calendar... 1912: 453). Посвящен был в пикантные детали и первый министр Франции кардинал Гийом Дюбуа, который откровенно заявил посланнику в Петербурге графу Жаку де Кампредону, что «брак, от коего произошли принцессы, которых он (Петр I. — Д. К.) хочет выдать замуж, не заключает в себе ничего лестного» (Сборник Императорского... 1885: 187).

ОПАСНАЯ ИГРА: ПРИНЦЫ-ИЗГОИ

Принимая в расчет все эти обстоятельства, Петр I делал ставку на соответствующих принцев: привечаемые им потенциальные женихи были лишены престолов, а потому были не вполне леги-

тимны с точки зрения официальной Европы, снискав репутацию странствующих паладинов, подлинных «рыцарей удачи». Однако брачные союзы с принцами-изгоями открывали широкие перспективы для усиления позиций России. Приступив к осуществлению своих далеко идущих планов, Петр остановил взгляд на изгнанных из Великобритании Стюартов (Ивонина 2013; Копелев 2018; Сидоренко 2007; 2014; Станков 2014; A Court in Exile 2004; Corp 2011; Loyalty and Identity 2009; The Stuart... 2003; Thompson 2006). В качестве потенциального жениха рассматривался якобитский претендент на британский престол принц Джеймс Фрэнсис Эдвард Стюарт (1688–1766), признаваемый своими сторонниками как истинный король Великобритании под именем Якова III, получивший известность как «Старый Претендент», сын низложенного во время «Славной революции» 1688 г. короля Якова II и Марии Моденской. «Заморский король» Яков III прекрасно понимал, какие военные и политические перспективы открывает для дела Стюартов союз с царем Петром, и со всем пылом включился в матримониальную игру. В письме из Риги от 29 сентября 1717 г. архиятр царя Роберт Карлович Арескин, выходец из знатного шотландского рода Эрскинов, игравший роль посредника между Петром I и якобитским двором, сообщал герцогу Ормондскому, находившемуся тогда в Митаве, о готовности царя к концу зимы выдать замуж за «короля» свою дочь Анну (Calendar... 1912: 154). Когда письмо пришло в Париж, мать Якова III королева Мария Моденская, державшая в своих руках нити интриги о женитьбе сына, в послании герцогу Ормондскому от 17 ноября 1717 г. высказала, впрочем, сомнения относительно возможности свершить запланированный брак. Во-первых, ее смутили слухи о возрасте царевны: «Дочь царя всего лишь ребенок тринадцати лет» (Анне было 9 лет. — Д. К.). Во-вторых, Петр вел войну с главным союзником якобитов — шведским королем Карлом XII, отчего, по мнению Марии Моденской, могут «возникнуть некоторые неудобства». И наконец, стоило ли так торопиться с решением, пока не прояснены следующие важные детали относительно достоинств невесты: «ее возраст, внешность и состояние здоровья, и если она здорова и добронравна, нет другого способа, чтобы убедиться в этом, иначе как послав к ней одного, а лучше двух доверенных лиц» (Calendar... 1912: 222).

Петр Алексеевич, впрочем, держал в голове и запасной вариант. В случае, если по каким-то причинам брак цесаревны Анны сорвался бы, царь приберет еще одну кандидатуру — овдовевшую к тому времени герцогиню Курляндскую. Государь не ошибся в своих опасениях: Якова III смутил юный возраст цесаревны Анны Петровны, и, разумеется, он не желал вступать в брак с незаконнорожденной принцессой. Впрочем, судя по его письму герцогу Ормондскому от 20 марта 1718 г., шевалье де Сен-Жорж, как именовали Якова III приближенные, был готов присмотреться и к Анне Иоанновне, у которой, как он слышал, «очень покладистый нрав» (Calendar... 1916: 174). Благодаря усилиям известной якобитской конфидентки Энн Оглторп, показывавшей своим друзьям неизвестно откуда взявшееся изображение курляндской герцогини, Анна Иоанновна приобрела немалую популярность при дворе Стюартов. Слухи о возможном браке Якова III и одной из «северных принцесс» встревожили и Палату лордов (Calendar... 1916: 104, 279).

Осенью 1717 г. начались секретные переговоры о замужестве Анны Иоанновны. Вести их претендент на британский престол поручил своему близкому другу, «шевалье» Чарльзу Вогану (1689–1752?), который, уподобившись верному «Ланселоту», давно уже присматривал для своего «короля Артура» подходящую брачную партию (Flood 1922; O’Ciardha 2011). Поездка Вогана в Прибалтику закончилась неудачно, так как царь тогда еще не вполне определился, стоит ли связываться в рискованную якобитскую игру, последствия которой было трудно просчитать. Яков III между тем решил вопросы женитьбы самостоятельно. В феврале 1718 г. на обратном пути в Италию Воган в силезской Олаве нашел для своего короля подходящую невесту — дочь претендента на престол Речи Посполитой Якуба Людвика Собеского Марию Клементину Собескую (18.07.1702 — 08.01.1735), внучку знаменитого польского короля Яна III Собеского, остановившего турок у ворот Вены. В отличие от Петра I, князь Олавский с готовностью принял предложение о замужестве дочери и после приключений в духе а la Александр Дюма, молодые обвенчались в Риме (Calendar... 1916: 93–96; Canavan 1993; Guthrie 2013: 59, 60, 85–88).

Следующим «избранником» царя Петра выступил претендент на шведский престол герцог Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский Карл Фридрих, племянник Карла XII. Мать принца Хедвига София приходилась королю старшей сестрой. В июне 1721 г. накануне заключения Ништадтского мира герцог по приглашению Петра I перебрался в Петербург (Наумов 2007; Сборник Императорского... 1885: 357–362; 1886: VII–XXXVIII). Его появление в российской столице крайне встревожило не только Стокгольм, но и Копенгаген. В Дании прекрасно понимали, что приезд фактически безземельного герцога Карла Фридриха связан не только с его желанием вернуть Гольштейну отторгнутый у нее Шлезвиг. В Копенгагене было известно, что герцог представил императору проект прорытия через свои территории все того же пресловутого канала из Балтийского в Северное море. Переговоры о браке герцога с одной из дочерей Петра I затрагивали и другие запутанные вопросы. По далеко идущим реваншистским расчетам влиятельной в Швеции голштинской «партии», представленной выходцами из аристократических фамильных кланов фон Штапельбергов, фон Левенов, фон Розенов, фон Врангелей, фон Ферзенов, Сталь фон Гольштейнов, фон Вахтмейстеров, женитьба должна была принести герцогу Карлу Фридриху в качестве приданого Лифляндию. Кроме того, в случае смещения с трона Гессен-Кассельской династии и назначения герцога наследником русского престола, между Швецией и Россией устанавливалась бы персональная уния. Обосновавшись в Петербурге, герцог превратился в важную политическую фигуру, «держал приличный двор, имел посланников при всех королевских дворах Европы, при многих дворах германских и, наконец, содержал большое число бедных шведских офицеров, которые называли себя и действительно могли быть его приверженцами» (Басевич 2000: 382).

Петр I, разумеется, смотрел на перспективы брака совершенно иначе, комбинируя варианты и долго взвешивая все за и против. Дилемма, которая вставала перед ним, была непростой. На одной чаше весов — гольштейнский зять, предоставлявший Петербургу удобный повод для «законного» вмешательства в дела Швеции: Карлу Фридриху предстояло стать либо дружественным России шведским королем, либо превратиться в удобную марионетку для давления на Швецию¹¹. Но плата за подобное «вмешательство» также была высока: предсказуемый новый виток военной конфронтации со Швецией, неминуемое охлаждение с недавним союзником Данией и обострение и без того напряженных отношений с Лондоном и Парижем, гарантами Дании в ее владении Шлезвигом (Петров 1871; 1873; Полиевктов 1907: 119–131, 278–292; Некрасов 1964; Возгрин 2007; Морохин 2014). Петр не спешил открывать карты, тем более что на «брачном горизонте» маячила кандидатура альтернативного жениха — принца Георга Карла Гессен-Кассельского (08.01.1691 — 05.03.1755), младшего брата короля шведского Фредрика Гессенского (Сборник Императорского... 1885: 69). Царь ловко блефовал и плел собственную дипломатическую паутину, в которой шведскому королю, рассчитывавшему сыграть со своим братом «русскую партию», отводилась весьма важная роль.

В ноябре 1721 г. граф де Кампредон сообщил в Париж о готовящемся в Финляндии тайном свидании Петра I и короля Швеции Фредрика Гессенского. В планы эти посвятил де Кампредона граф Толстой. Разговор состоялся во время «одной свадьбы», куда посла пригласили по приказанию царя. Когда начались танцы, Толстой знаком подозвал де Кампредона и попросил его написать в Стокгольм королю о желании царя увидеться с ним наедине. По словам Петра, «у них есть тайные враги и им следует поговорить между собой откровенно и заключить прочную дружбу». Свидание монархов должно было проходить в присутствии французского посланника. Петр I под предлогом осмотра новых владений приехал бы в Выборг из Москвы; туда же, на русско-шведскую границу, прибыл бы и король, объезжавший якобы свои финляндские провинции (Сборник

¹¹ Надо полагать, что император чисто по-человечески симпатизировал герцогу. Камер-юнкер Ф. В. фон Берхгольц, например, оставил воспоминания о встрече Петра с Карлом Фридрихом 11 августа 1723 г., во время которой «государь был так милостив к Его Высочеству, как мне еще никогда не случалось видеть: он беспрестанно его целовал, ласкал, трепал по плечу, несколько раз срывал с него парик и целовал то в затылок, то в маковку, то в лоб, даже оттягивал ему нижнюю губу и целовал в рот между зубами и губами, при чем не раз твердил, что любит его от всего сердца и как свою собственную душу» (Берхгольц 2018: 606).

Императорского... 1884: 361–364; Сборник Императорского... 1885: 17) Рассматривалась также возможность встречи монархов летом 1722 г. в Штральзунде, в том, правда, случае, если царь, как он собирался, отправится в поездку в Италию (Сборник Императорского... 1885: 15, 16).

Развитие событий ускорило после объявления в ноябре 1723 г. о коронации царицы Екатерины. Рассматривая свою дочь в качестве «соперницы в последующем правлении» (Возгрин 2007: 31), она неожиданно прониклась теплыми чувствами к голштинскому жениху и начала оказывать ему особые знаки внимания. Доверенное лицо герцога Гольштейнского камер-юнкер Фридрих Вильгельм фон Берхгольц отметил 19 декабря 1723 г., что после спектакля императрица просила герцога не провожать ее до кареты, а «остаться с принцессами, что он очень охотно сделал, потому что весьма приятно проводил время с принцессой Анной, сидевшей подле него. Она теперь вообще при всех случаях бывает необыкновенно любезна с нашим герцогом» (Берхгольц 2018: 664). «Прекрасная как ангел» принцесса Анна быстро завоевала сердце герцога Гольштейнского. Симпатии герцога к старшей дочери Петра, прекрасной как ангел брюнетке, как нельзя играли на руку ее матери. Это заметил датский посланник граф Ганс Георг Вестфален, который после коронации Екатерины 7 мая 1724 г. сообщил в Копенгаген: «Вот наконец царица пришла к своей цели, которая заключалась в том, чтобы сорвать меры, кои царь принял для пользы своей старшей дочери в отношении наследования, и в том, чтобы полностью увериться в удалении этой дочери... которая стала в этом отношении ее соперницей. Он (герцог Гольштейнский. — Д. К.) все время твердо уверен в том, что, если бы замысел царицы потерпел неудачу, он никогда бы не получил в жены старшую из принцесс — теперь это совершившийся факт, в интересах царицы удалить эту принцессу как можно скорее» (Анисимов 1986).

И, на первый взгляд, Екатерине, «умной женщине и невообразимой интриганке», обладавшей сердцем льва, бескрайним честолюбием и опиравшейся на прекрасных советников (Полиевктов 1907: 286), удалось добиться своего и взять верх над дочерью-конкуренткой. В ноябре 1724 г. долгие переговоры закончились наконец подписанием брачного договора. В соответствии с брачным контрактом Анна Петровна сохраняла принадлежность к православию и отрекалась «за себя, своих наследников, десцендентов и потомства мужеска и женска полу от всех прав, требований, дел и притязаний, какое бы они имя ни имели... на корону и Империиум Всероссийский». Казалось бы, теперь «она, ея наследники и десценденты от сего числа в вечныя времена весьма исключены суть и быть имеют». Однако подозрительный император предусмотрительно внес неожиданную оговорку в секретный артикул, приложенный к договору. Он предусматривал обязательство «пре-светлейшей княгини» и «светлейшего герцога» немедленно и беспрекословно выполнить волю Петра I, если он вдруг соизволит призвать на российский престол «одного из урожденных Божеским благословением из сего супружества принцев» (Щебальский 1870: 12)¹².

ЗОНДАЖ БУРБОНОВ

Разрабатывая матримониальную стратегию, Петр I не упускал из виду возможность заключения брачного союза и с королевским домом Бурбонов, представители которого правили во Франции и Испании. Осторожный зондаж позиций Парижа царь начал осуществлять еще в 1716 г., рассматривая перспективы брака овдовевшего недавно царевича Алексея. В письме от 17 декабря царский агент в Париже Конон Никитич Зотов сообщал в Петербург о беседе русского агента во Франции Джованни Батисты Бонмазари с маршалом и вице-адмиралом Виктором Мари д'Эстре относительно того, «не будет ли должно угодно двору французскому, если б царское величество похотел государя царевича женить на принцессе французской, а именно на дочери дука Дорлеана для лутчей алианции крови и интереса». По словам Зотова, д'Эстре встретил его слова с востор-

¹² Венчание Карла Фридриха и Анны Петровны произошло уже после смерти Петра Великого, 21 мая 1725 г. в Троицком соборе. Их сын, Карл Петер Ульрих (Петр III), взошел на российский престол 25 декабря 1761 г. (Елисеева 2015; Мыльников 2002).

гом. Маршал был «вельми рад слушать такую добрую мысль и сказал, что его де царскому величеству ни в чем здесь не откажут, и дюк Дорлеан с радостью на сие будет имети соизволение». Вскоре выяснилось, что предложение Петра нашло положительный отклик и со стороны регента, который якобы «рад был, что сие сего дня учинилось» (Мезин 2015: 58). Переговоры Петра с французскими дипломатами в Гааге прервались из-за бегства Алексея Петровича, но сама идея о брачном альянсе с Бурбонами, по словам С. М. Соловьева, «глубоко запала в душу Петра» (Соловьев 1993: 65).

Можно предположить, что царь вернулся к идее французского брака после посещения Парижа весной и летом 1717 г. и знакомства с малолетним Людовиком XV, задумав устроить его брак с цесаревной Елизаветой Петровной. Однако список потенциальных невест «возлюбленного короля» был обширен, насчитывал почти четыре десятка имен, и вокруг каждой из кандидатур разворачивались нешуточные дворцовые комбинации. Сложнейшую брачную паутину сплетал, например, герцог Филипп Орлеанский. По замыслу регента, серия подготавливаемых им франко-испанских династических браков должна была восстановить союзнические отношения между Парижем и Мадридом, нарушенные войной Четверного союза (Великобритания, Франция, Священная Римская империя, Нидерланды) против Испании 1718–1720 гг. В невесты королю он присмотрел инфанту Марианну Викторию (31.03.1718 — 15.01.1781), старшую дочь короля Филиппа V и его второй супруги Изабеллы (Елизаветы) Фарнезе. Одну же из своих шести дочерей, Луизу-Елизавету Орлеанскую, мадемуазель де Монпансье, регент рассчитывал выдать замуж за старшего сына Филиппа V от его первого брака с Марией-Луизой Савойской инфанта Луиса, принца Астурийского¹³. Другая дочь регента, Филиппина-Елизавета Орлеанская, мадемуазель де Божоле, по расчетам этого достойного преемника Мазарини, должна была вступить в брак с сыном Филиппа V и Изабеллы Фарнезе доном Карлосом, будущим королем Карлосом III¹⁴.

План регента начал осуществляться, когда в марте 1721 г. трехлетняя Марианна Виктория прибыла в Париж, а мадемуазель де Монпансье отправилась в Мадрид. Приехавшая «королева-инфанта» очаровала версальский двор, однако капризному и насмешливому подростку совершенно не понравилась. Началось это еще с самого начала брачной истории, когда, явившись со своей любимой кошкой на заседание Королевского совета, мальчик узнал о своей помолвке с маленькой испанской кузиной. Людовик тихо утирал слезы все заседание, а после приезда испанской невесты держался подальше от раздражавшей его маленькой «куклы». Она же появлялась на всех официальных приемах рядом с ним и словно собачка семенила следом за своим хмурым женихом. Недовольство короля вскоре заметил русский посланник князь Б. И. Куракин, донесший об этом в Петербург. Как только Петр получил известие о том, что переговоры о браке короля с инфантой испанской расстроились, он в письме от 16 января 1724 г. дал указания посланнику в Париже князю Куракину вплотную заняться переговорами о возможном бракосочетании: «Ты пишешь... что король не хочет жениться на гишпанской (принцессе. — Д. К.); того ради zelo б мы желали, чтоб сей жених нам зятем был, в чем гораздо прошу все возможные способы к тому употребить и твой труд по крайней возможности» (Архив СПб ИИ РАН: 114). Однако возможности Куракина были ограничены и исполнить начертания державного властелина было ему не под силу. После смерти герцога Филиппа Орлеанского в декабре 1723 г. браком короля занялся первый министр королевства герцог Бурбонский Луи IV Анри де Конде (18.08.1692 — 27.01.1740), который отстаивал интересы Дома Конде и посему протезировал своей родной сестре Генриетте-Луизе де Бурбон, мадемуазель де Водемон. Среди других невест Людовика XV наибольшими шансами обладали принцесса Каролина-Шарлотта Гессен-Рейнфельс-Ротенбургская, дочь герцога Леопольда Лотарингского Анна-Шарлотта и, наконец, Мария Лещинская, дочь изгнанного польского короля Станислава Лещинского, противника Петра I. Она и опередила своих конкурентов: при помощи

¹³ Брак состоялся 20 января 1722 г. в январе 1724 г. После отречения отца Луис под именем Луиса I вззошел на престол, но спустя несколько месяцев скончался от оспы.

¹⁴ Брак расстроился, и Филиппина-Елизавета в 1728 г. вернулась из Мадрида на родину.

всесильной на тот момент фаворитки герцога Бурбонского маркизы де При Мария Лещинская в августе 1725 г. стала супругой короля Людовика XV.

Победа польской «партии» не поставила точку в поисках подходящих французских женихов для цесаревны Елизаветы Петровны, «девушки столь же любезной, сколько и красивой» (Сборник Императорского... 1885: 122). В поле зрения русской дипломатии уже давно находился следующий по старшинству претендент на французский престол — сын регента Филиппа Орлеанского Луи де Бурбон, герцог Шартрский (04.08.1703 — 04.02.1752). Свои интересы преследовала, разумеется, и французская сторона, рассчитывавшая с помощью этого «не совсем приличного для герцога Шартрского» брака заручиться поддержкой новоиспеченного могущественного тестя и заполучить для своего ставленника польскую корону (Сборник Императорского... 1885: 188).

Осторожный зондаж начался еще в 1722 г. В одном из донесений императору российский посланник в Париже князь Василий Лукич Долгорукий сообщал о разговоре с кардиналом Дюбуа: «Кардинал, взяв меня за руку, сказал, что он любит меня как родного брата, и для того откроет мне последний важный секрет: дук регент может учинить супружество между среднею дщерию вашею и сыном своим дуком Шартром, и потом вы соизволите помощи к возведению дука Шартра на польский престол; дук регент презрел дочь цезаря и дочь короля португальского и намерен обязаться свойством с вами» (Соловьев 1993: 428–429).

Параллельно, впрочем, рассматривалась и возможная «рокировка» невест, в случае которой устраивался бы брак герцога Шартрского с Анной Петровной. В записке от 10 января 1722 г., представленной Версальскому двору российским послом в Париже бароном фон Шлейницем, августейшая невеста объявлялась бы тогда наследницей российского престола и получала в качестве приданого Ливонию и Эстонию (l'Esthonie. — Д. К.). В случае же, если принцесса умирала бездетной, земли эти возвращались под власть российской короны. Особые оговорки касались возможности герцога Шартрского занять французский трон — в таком случае в брачном договоре оговаривали бы специальные условия, при которых «российская монархия оставалась навсегда независимой от монархии французской» (Сборник Императорского... 1885: 4, 5, 58, 59, 225). Последнее обстоятельство, а также возможность объявления Анны Петровны наследницей российского престола, превратили бы супругов в «помеху» друг другу, что в конечном итоге и заставило Версаль и Петербург отказаться от этого брака.

Петр, не расположенный в интересах французской дипломатии «таскать каштаны из огня», тогда хода делу не дал, но в 1724 г. вернулся к обсуждению брачного вопроса. Очередным претендентом на руку Елизаветы оказался Луи IV Анри де Бурбон-Конде, следующий после герцога Шартрского принц крови. Сын Луи III де Конде и Луизы Франсуазы де Бурбон, одной из незаконнорожденных дочерей Людовика XIV и мадам де Монтеспан, герцог Бурбонский ранее был женат (09.07.1713) на Мари-Анне де Бурбон-Канти, дочери знаменитого полководца Франсуа Луи де Бурбона, «Великого Канти», но в 1720 г. овдовел и присматривал себе подходящую «партию». Узнав о предложении герцога Бурбонского, Петр I начал прикидывать возможные варианты. На тот момент у него еще теплились надежды на удачное завершение переговоров о браке Елизаветы и Людовика XV, однако и сбрасывать со счета нового претендента на руку дочери в его намерения также не входило. Дипломатично рассчитав, что два жениха лучше, чем один, император направил послание князю Куракину и посоветовал послу рассматривать герцога «на описку в зяти или иной отлагательной способ употребить ласковым образом» (Архив СПб ИИ РАН: 114). Однако «ласковые» методы российской дипломатии не снискали успеха при Версальском дворе, и дело о женитьбе герцога и цесаревны Елизаветы Петровны постепенно сошло на нет: будущая императрица официально так и не вышла замуж, а ее несостоявшийся французский жених остановил выбор на бывшей «невесте» своего короля, гессенской принцессе Каролине-Шарлотте.

Несмотря на французскую неудачу, цесаревна Елизавета внезапно оказалась вплетена в параллельно развивавшуюся австрийскую брачную интригу. Ее задумал имперский посланник граф Стефан Вильгельм Кински, рассчитывавший выдать цесаревну замуж за внука Петра I

Петра Алексеевича, племянника императора Священной Римской империи Карла VI по материнской линии. Осуществление подобного брака, по мысли графа Кински, посвятившего в него летом 1722 г. П. П. Шафирову и П. И. Ягужинского, с одной стороны, позволило бы решить запутанный вопрос о законном наследнике престола, а с другой стороны, примирило бы обе русские династийные ветви и способствовало бы союзу империи с Россией. Кински, по его словам, «не счит возможным прямо открыть весь этот план царю, боясь, что он ему не понравится». Дело же, по его словам, представлялось многообещающим: после смерти Петра I супруга его становилась бы регентшей при малолетнем императоре, а другим ее дочерям Карл VI обеспечивал бы брачные союзы с «князьями империи» (Сборник Императорского... 1885: 128–133).

В отношении самой младшей из них, великой княжны Наталии Петровны, в Петербурге, впрочем, строили свои планы. Непосвященный в дело фон Берхгольц наивно полагал, что ни о каком ее замужестве речи не шло, и все разговоры о поиске для 5-летней девочки супруга за границей не более чем пустые сплетни: «Толкуют также, — записал он в своем дневнике 17 декабря 1723 г., — что сюда ждут какого-то молодого испанского принца, который будто бы ищет руки одной из принцесс; но мне все это кажется очень похожим на басню» (Берхгольц 2018: 663). Доверенный герцога Голштинского явно отстал от жизни — испанская брачная комбинация в Петербурге развивалась весьма активно и расценивалась как чрезвычайно перспективная. Еще в апреле 1722 г. вездесущий де Кампредон сообщал кардиналу Дюбуа о переговорах русского двора с Мадридом относительно женитьбы донна Карлоса на одной из дочерей Петра: в Петербург, по его словам, прибыл некий «итальянский аббат», и срочным порядком изготавливались портреты всех трех принцесс (Сборник Императорского... 1885: 99). Спустя год стороны уже определились с выбором действующих лиц: невестой Наталией Петровной и женихом инфантом Фердинандом, правнуком Людовика XIV и сыном короля Филиппа V от первого брака. Переговоры велись от имени герцога Пармы и Пьяченцы Франческо Фарнезе, родного дяди и отчима мачехи Фердинанда королевы Испании Изабеллы Фарнезе¹⁵. От его имени и прибыл в Петербург падре Франческо Арчелли, которому были даны от герцога устные рекомендации (Терехова 2015; [Терехова] 2016). Показательно, что в официальном письме от 23 июля 1723 г. герцог Франческо почтительно обращался к Петру I, подчеркивая его императорский титул и присоединяясь к Венеции, Швеции и Пруссии, первыми признавшими новый державный статус Российской империи. Переговоры велись долгие месяцы, но закончились безрезультатно: 4 марта 1725 г. Наталья скончалась от кори.

В январе 1725 г. скончался и сам император Петр I, вдохновитель и режиссер новаторского для старой России матримониального сценария, заложившего фундамент нового династийного порядка, осуществляемого династией Романовых до крушения 1917 г. И, анализируя матримониальную стратегию Петра I, трудно отделаться от мысли, что, проводя модернизацию страны, честолюбивый и амбициозный император рассчитывал не только создавать и совершенствовать систему управления, развивать мануфактуры, строить армию и флот, организовывать науку и преобразовывать русские культурные устои. Создавая новые цепочки родственных связей с европейскими монархиями, император осуществлял интеграцию своей страны в единое династийное пространство, пытаясь тем самым легитимизировать позиции династии Романовых на европейской арене и укрепить статус России как ведущей мировой державы. По мере того, как укреплялись позиции России, возрастала династийная дерзость и росли амбиции самого государя. Список же интересующих его царствующих домов был обширен: в него входили германские Вельфы, Виттельсбахи и Мекленбурги, Ольденбургский дом, австрийские Габсбурги, французские и испан-

¹⁵ Герцог Франческо Фарнезе в 16 лет сам оказался влечен в сложную брачную комбинацию. Его старший брат был женат на Доротее Софии Нойбургской (ее старшие сестры Элеонора Магдалена, Мария София и Мария Анна были замужем соответственно за императором Священной Римской империей Леопольдом I, королем Португалии Педру II и королем Испании Карлом II) и после его смерти, чтобы не возвращать приданое, 17-летний герцог Франческо женился на вдове брата. Изабелла же Фарнезе была старшей дочерью его брата и после смерти герцога Франческо унаследовала его владения, передав их своему сыну Филиппу, основателю линии Пармских Бурбонов.

ские Бурбоны, британские Стюарты. Включение представителей этих древних владетельных фамилий в матримониальные сети Петра I разрушало привычную московским государям иерархическую систему, придавая царствующему дому Романовых черты европейской монархии, неотъемлемым атрибутом которой выступали широкие родственные связи с королевскими правящими династиями.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив СПб ИИ РАН — Архив Санкт-Петербургского института истории РАН

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270 (Комиссия по изданию писем и бумаг Петра Великого). № 106. Письма и бумаги Петра I за 1724 год; январь-апрель.

Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725–1740. Л.: Лениздат, 1986.

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. Ч. 2. М.: Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства Иностранных дел, 1896.

Басевич Г.-Ф. Записки, служащие в пояснение некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Юность державы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 325–426.

Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726 / вступ. ст. И. В. Курукина; коммент. К. А. Залесского, В. Е. Климанова, И. В. Курукина. М.: Кучково поле; Ретроспектива, 2018.

Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1990.

Возгрин В. Е. Год 1725. СПб.: ЛИК, 2007.

Вульф Д. Дом Романовых и Германия: о значении династических связей в международных отношениях // Европейские монархии в прошлом и настоящем XVIII–XX века. СПб.: Алетейя, 2001. С. 234–244.

Дворянские роды Российской империи. Т. 3. Князья / под ред. С. В. Думина. М.: Линкоминвест, 1996.

Елисеева О. И. Петр III. М.: Молодая гвардия, 2015.

Иволина Л. И. Яков II Стюарт // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 54–82.

Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 4: Курс русской истории, ч. 4 / послесл. и коммент. В. А. Александров, В. Г. Зимины. М.: Мысль, 1989.

Копелев Д. Н. Парижский след заговора Аттербери: якобиты, пираты и российский посол В. Л. Долгоруков. Лето 1722 года // Россия и Франция: культурный диалог в панораме веков: материалы X Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года. СПб.: Европейский Дом, 2018. С. 26–34.

Коротун С. Н., Сучалкин Е. А. «Что им было надобно, через славное оружие вашего величества получили, и ныне нас хотя бы и на свете не было». Противостояние России, союзных и нейтральных стран Европы на завершающем этапе Северной войны // Военно-исторический журнал. 2021. № 1. С. 35–40.

Мезин С. А. Петр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015.

Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра: любовь и жизнь / пер. С. Житомирской. М.: Прогресс, 1998.

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М.: Международные отношения, 1990.

Морохин А. В. К истории пребывания в России принцессы Шарлотты Христины Софии, жены царевича Алексея Петровича (1713–1715) // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: материалы междунар. науч. конф. С.-Петербург, декабрь 2006. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 184–201.

Морохин А. В. «Не ведаю, каково вам там жить»: к истории пребывания цесаревны Анны Петровны в Германии (1727– 728) // Меншиковские чтения — 2014: научный альманах. Вып. 5 (12) / гл. науч. ред. П. А. Кротов. СПб.: XVIII век, 2014. С. 147–159.

Морохин А. В. Эпизод из истории «брачной дипломатии» Петра I эпохи Северной войны // Меншиковские чтения — 2016: научный альманах. Вып. 7 (17) / г. науч. ред. П. А. Кротов. СПб.: XVIII век, 2016. С. 141–151.

Морохин А. «И такой злой дороги не видали»: путешествие царицы Екатерины Алексеевны по Германии в конце 1716 г. // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 2. С. 367–384.

Мыльников А. С. Петр III: повествование в документах и версиях. М.: Молодая гвардия, 2002.

Наумов В. П. Герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский в Петербурге // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVIII: Государственный Эрмитаж. Петровское время в лицах — 2007: материалы науч. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 194–197.

Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг. М.: Наука, 1964.

Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М.: Госполитиздат, 1950.

Петров П. Н. Цесаревна Анна Петровна: 1708–1728: (биографический очерк) // Памятники новой русской истории. Т. I, отд. 1. СПб.: тип. Майкова, 1871. С. 49–89.

Петров П. Н. Цесаревна Анна Петровна // Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX века / изд. М. Михайловым. СПб.: тип. Ю. Штауфа (И. Фишона), 1873. С. 83–123.

Писарева В. А. Неделя в Торгау: пребывание Петра I на свадьбе царевича Алексея и Шарлотты Кристины Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской в октябре 1711 года // Европейские маршруты Петра Великого. К 300-летию визита Петра I во Францию. Материалы IX Международного петровского конгресса. Париж — Реймс, 20–22 апреля 2017 г. СПб.: Европейский Дом, 2018. С. 165–180.

Полиевктов М. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725). СПб.: тип. М. А. Александрова, 1907.

Попов Н. В. Династические браки и «брачная дипломатия» в Западной Европе раннего Нового времени // Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 143–169.

Попов Н. В. Династические браки и «брачная дипломатия» в Центральной и Восточной Европе XV — начала XVII в. // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 170–179.

Попов Н. В. Династические браки и «брачная дипломатия» в Западной Европе. XVII — начало XVIII в. // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 185–213.

Пчелов Е. В. Петр Великий и династическая политика Романовых в XVIII–XX веках // Петр Великий — реформатор России: материалы и исследования. Т. XIII. М.: Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль», 2001. С. 40–54.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 40. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1884.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 49. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1885.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 52. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1886.

Семевский М. И. Царица Прасковья. 1664–1723. Очерк из русской истории XVIII века. М.: Книга, 1989.

Сидоренко Л. В. Влияние факторов внутреннего развития Великобритании на внешнеполитический курс в Северной войне // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2007. № 3. С. 171–182.

Сидоренко Л. В. Династический вопрос в Англии на рубеже XVII–XVIII вв. // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2014. № 13. С. 36–58.

Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. IX: История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1993.

Станков К. Н. Двор Якова II Стюарта и якобитская эмиграция во Франции // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 44–56.

Терехова Н. Г. Падре Арчелли и его невыполнимая миссия // Россия и Италия. Вып. 6: Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней / отв. ред. Е. С. Токарева, М. Г. Талалай. М.: Ленанд, 2015. С. 169–184.

[*Терехова Н. Г.*] «Арчелли передаст изустно Вашему Императорскому Величеству всё, что я должен посредством одного донести до Вашего сведения». Письмо герцога Пармы и Пьяченцы Франческо Фарнезе российскому императору Петру I. 1723 // Исторический архив. 2016. № 2. С. 193–195.

Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 / публ. С. Р. Долговой и Т. А. Лаптевой. М.: Российский фонд культуры; Российский государственный архив древних актов; Российский архив, 2004.

Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Филина Е. И. «Дело» королевича Вальдемара // Российская государственность: Этапы становления и развития. Ч. 1. Кострома: б. и., 1993. С. 46–49.

Шварц И. Наследник русского престола Алексей в парижском пасьянсе царя // Европейские маршруты Петра Великого. К 300-летию визита Петра I во Францию. Материалы IX Международного петровского конгресса. Париж — Реймс, 20–22 апреля 2017 г. СПб.: Европейский Дом, 2018. С. 133–143.

- Щебальский П. К. Политическая система Петра III: [с прил. документов]. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1870.
- Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М.: Ин-т «Открытое о-во»; МИРОС, 1998.
- A Court in Exile: The Stuarts in France, 1689–1718 / ed. by Edward Corp with contributions by Edward Gregg, Howard Erskine-Hill, Geoffrey Scott. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Calendar of the Stuart Papers. Vol. V. London: His Majesty's Stationery office, 1912.
- Calendar of the Stuart Papers. Vol. VI. London: His Majesty's Stationery office, 1916.
- Canavan T. Making a Hole in the Moon: the Rescue of Princess Clementina by Tony Canavan // History Ireland. Ireland's History Magazin. 1993. Vol. 1, № 4. URL: <https://www.historyireland.com/18th-19th-century-history/making-a-hole-in-the-moon-the-rescue-of-princess-clementina-by-tony-canavan> (дата обращения: 15.01.2022).
- Corp E. T. The Stuarts in Italy, 1719–1766: a Royal Court in Permanent Exile. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Flood J. The Life of Chevalier Charles Wogan: an Irish Soldier of Fortune. Dublin, London: Talbot Press; T. Fisher, 1922.
- Guthrie N. Material Culture of the Jacobites. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2013.
- Loyalty and Identity: Jacobites at Home and Abroad / Ed. by Paul Monod, Murray Pittock and Daniel Szechi. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.
- Monod P. K. Jacobitism and the English People, 1688–1788. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Murdoch S. Soldiers, Sailors, Jacobite Spy: the Scottish Jacobites in Russia 1688–1750 // Slavonica. 1996. Vol. 3. No. 1. P. 7–28.
- O'Ciardha E. «Fighting Dick» Talbot, «the Chevalier» Wogan and Lally-Tollendal Jailbreakers and Jailbirds // History Ireland. Ireland's History Magazin. 2011. Vol. 19, iss. 2. P. 19–22.
- The Stuart in Rome: The Legacy of Exile / ed. by Edward Corp. Aldershot: Ashgate, 2003.
- Thompson A. C. Britain, Hanover and the Protestant Interest, 1688–1756. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2006.
- Wills R. The Jacobites and Russia, 1715–1750. East Linton: Tuckwell Press, 2002.

REFERENCES

- Anisimov E. V. *Rossiiia bez Petra: 1725–1740* [Russia without Peter: 1725–1740]. Leningrad: Lenizdat, 1986. (In Russian)
- Bobylev V. S. *Vneshniaia politika Rossii epokhi Petra I* [Foreign Policy of Russia in the Age of Peter I]. Moscow: Izdatel'stvo Universiteta družby narodov, 1990. (In Russian)
- Dvorianskie rody Rossiiskoi imperii. Kniaz'ia* [Noble Families of the Russian Empire. Princes]. Vol. 3. Ed. by S. V. Dumin. Moscow: Linkominvest, 1996. (In Russian)
- Eliseeva O. I. *Petr III* [Peter III]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2015. (In Russian)
- Feigina S. A. *Alandskii kongress: Vneshniaia politika Rossii v kontse Severnoi voiny* [Åland Congress: Russia's Foreign Policy at the End of the Great Northern War]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1959. (In Russian)
- Filina E. I. "Delo" korolevicha Val'demara ["Case" of Prince Valdemar]. *Rossiiskaia gosudarstvennost': Etapy stanovleniia i razvitiia* [Russian Statehood: Stages of Formation and Development]. Kostroma, 1993, pt. 1, pp. 46–49. (In Russian)
- Ivonina L. I. Iakov II Stiuart [James II Stuart]. *Voprosy istorii*, 2013, no. 5, pp. 54–82. (In Russian)
- Kliuchevskii V. O. *Sochineniia: v 9 tomakh. Vol. 4: Kurs russkoi istorii, ch. 4* [Works: in 9 vols. Vol. 4: Course of Russian history, part 4]. Ed. by V. A. Aleksandrov, V. G. Zimin. Moscow: Mysl', 1989. (In Russian)
- Kopelev D. N. Parizhskii sled zagovora Atterberi: Iakobity, piraty i rossiiskii posol V. L. Dolgorukov. Leto 1722 goda [The Paris Trail of the Atterbury Conspiracy: Jacobites, Pirates, and the Russian Ambassador V. L. Dolgorukov. Summer of 1722]. *Rossiiia i Frantsiia: Kul'turnyi dialog v panorame vekov. Materialy X Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. Sankt-Peterburg, 9–10 iyunia 2017 goda* [Russia and France: Cultural Dialogue in the Panorama of Centuries. Materials of the X International Peter's Congress. St. Petersburg, June 9–10, 2017]. St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 2018, pp. 26–34. (In Russian)
- Korotun S. N., Suchalkin E. A. "Chto im bylo nadobno, cherez slavnoe oruzhie vashego velichestva poluchili, i nyne nas khotia by i na svete ne bylo". Protivostoianie Rossii, soiuznykh i neutral'nykh stran Evropy na zavershishchem etape Severnoi voiny [What They Needed, They Received through the Glorious Weapons of Your Majesty, and Now at least We Were Not in the World. Confrontation between Russia, Allied and Neutral European Countries at the Final Stage of the Northern War]. *Voenna-istoricheskii zhurnal*, 2021, no. 1, pp. 35–40. (In Russian)

Meilunas A., Mironenko S. *Nikolai i Aleksandra: liubov' i zhizn'* [Nicholas and Alexandra: Love and Life]. Transl. by S. Zhitomirskaya. Moscow: Progress, 1998. (In Russian)

Mezin S. A. *Petr I vo Frantsii* [Peter the First in France]. St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 2015. (In Russian)

Molchanov N. N. *Diplomatii Petra Velikogo* [Diplomacy of Peter the Great]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1990. (In Russian)

Morokhin A. V. K istorii prebyvaniia v Rossii printsessy Sharlotty Khristiny Sofii, zheny tsarevicha Alekseia Petrovicha (1713–1715) [On the History of the Stay in Russia of Princess Charlotte Christina Sophia, Wife of Tsarevich Alexei Petrovich (1713–1715)]. *Severnaia voina, Sankt-Peterburg i Evropa v pervoi chetverti XVIII veka: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. S.-Peterburg, dekabr' 2006* [Northern War, St. Petersburg and Europe in the First Quarter of the 18-th Century: Proceedings of the International Scientific Conference. St. Petersburg, December 2006]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterbugskogo universiteta, 2007, pp. 184–201. (In Russian)

Morokhin A. V. “Ne vedaiu, kakovo vam tam zhit’”: k istorii prebyvaniia tsesarevny Anny Petrovny v Germanii (1727–1728) [“I don't Know What it's Like for you to Live There”: on the History of the Stay of Tsesarevna Anna Petrovna in Germany (1727–1728)]. *Menshikovskie chteniia — 2014: nauchnyi al'manakh* [Menshikov Readings—2014: Scientific Almanac]. Ed. by P. A. Krotov. St. Petersburg: XVIII vek, 2014, no. 5 (12), pp. 147–159. (In Russian)

Morokhin A. V. Epizod iz istorii “brachnoi diplomatii” Petra I epokhi Severnoi voiny [An Episode from the History of “Marriage Diplomacy” of Peter the Great in the Age of the Northern War]. *Menshikovskie chteniia—2016: nauchnyi al'manakh* [Menshikov Readings—2016: Scientific Almanac]. Ed. by P. A. Krotov. St. Petersburg: XVIII vek, 2016, no. 7 (17), pp. 141–151. (In Russian)

Morokhin A. “I takoi zloi dorogi ne vidali’”: Puteshestvie tsaritsy Ekateriny Alekseevny po Germanii v kontse 1716 goda [“And Such an Evil Road has not been Seen”: The Journey of Tsarina Ekaterina Alekseevna through Germany at the End of 1716]. *Quaestio Rossica*, 2017, no. 2 (5), pp. 367–384. (In Russian)

Myl'nikov A. S. *Petr III: Povestvovanie v dokumentakh i versiiakh* [Peter III: Narrative in Documents and Versions]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2002. (In Russian)

Naumov V. P. Gertsog Karl Fridrikh Gol'shtein-Gottorpskii v Peterburge [Duke Karl Friedrich of Holstein-Gottorp in St. Petersburg]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Gosudarstvennyi Ermitazh. Petrovskoe vremia v litsakh — 2007: materialy nauchnoi konferentsii* [Proceedings of the State Hermitage. State Hermitage. Petrine Time in Faces—2007: Materials of a Scientific Conference. St. Petersburg, 2007]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Ermitazha, 2007, vol. XXXVIII, pp. 194–197. (In Russian)

Nekrasov G. A. *Russko-shvedskie otnosheniia i politika velikikh derzhav v 1721–1726 godakh* [Russo-Swedish Relations and the Policy of the Great Powers in 1721–1726]. Moscow: Nauka, 1964. (In Russian)

Nikiforov L. A. *Russko-angliiskie otnosheniia pri Petre I* [Russian-English Relations under Peter I]. Moscow: Gospolitizdat, 1950. (In Russian)

Pchelov E. V. Petr Velikii i dinasticheskaia politika Romanovykh v XVIII–XX vekakh [Peter the Great and the Dynastic Policy of the Romanovs in the 18th–20th Centuries]. *Petr Velikii — reformator Rossii. GIKMZ “Moskovskii Kreml'”*. *Materialy i issledovaniia, XIII* [Peter the Great — the Reformer of Russia. State Historical Museum “Moscow Kremlin”. Materials and Research, XIII]. Moscow: Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik “Moskovskii Kreml'”, 2001, pp. 40–54. (In Russian)

Pisareva V. A. Nedelia v Torgau: Prebyvanie Petra I na svad'be tsarevicha Alekseia i Sharlotty Kristiny Sofii Braunshveig-Vol'fenbuttel'skoi v oktjabre 1711 goda [Week in Torgau: Stay of Peter I at the Wedding of Tsarevich Alexei and Charlotte Christina Sophia of Brunswick-Wolfenbüttel in October 1711]. *Evropeiskie marshruty Petra Velikogo: K 300-letiiu vizita Petra I vo Frantsii. Materialy IX Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. Parizh — Reims, 20–22 apreliia 2017 goda* [European Routes of Peter the Great: On the 300th Anniversary of the Visit of Peter I to France. Materials of the IX International Peter's Congress. Paris — Reims, April 20–22, 2017]. St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 2018, pp. 165–180. (In Russian)

Popov N. V. Dinasticheskie braki i “brachnaia diplomatiiia” v Zapadnoi Evrope rannego Novogo vremeni [Dynastic Marriages and “Marriage Diplomacy” in Western Europe of Early Modern Times]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 1998, no. 6, pp. 143–169. (In Russian)

Popov N. V. Dinasticheskie braki i “brachnaia diplomatiiia” v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope 15–nachala 17 veka [Dynastic Marriages and “Marriage Diplomacy” in Central and Eastern Europe in the 15th–early 17th Centuries]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2000, no. 2, pp. 170–179. (In Russian)

Popov N. V. Dinasticheskie braki i “brachnaia diplomatiiia” v Zapadnoi Evrope. XVII–nachalo XVIII veka [Dynastic Marriages and “Marriage Diplomacy” in Western Europe. 17th–early 18th Century]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2001, no. 5, pp. 185–213. (In Russian)

Semevskii M. I. *Tsaritsa Praskov'ia. 1664–1723. Ocherk iz russkoi istorii XVIII veka* [Queen Praskovia. 1664–1723. Essay on Russian History of the 18th Century]. Moscow: Kniga, 1989. (In Russian)

Shvarts I. Naslednik russkogo prestola Aleksei v parizhskom pas'ianse tsaria [Heir to the Russian Throne Alexei in the Tsar's Parisian Solitaire]. *Evropeiskie marshruty Petra Velikogo: K 300-letiiu vizita Petra I vo Frantsiiu. Materialy IX Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. Parizh — Reims, 20 — 22 apreliia 2017 goda* [European Routes of Peter the Great: On the 300th Anniversary of Peter I's Visit to France. Materials of the IX International Peter's Congress. Paris–Reims, 20–22 April 2017]. St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 2018, pp. 133–143. (In Russian)

Sidorenko L. V. Vliianie faktorov vnutrennego razvitiia Velikobritanii na vneshnepoliticheskii kurs v Severnoi voine [Influence of Factors of Internal Development of Great Britain on the Foreign Policy Course in the Northern War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2007, no. 3 (2), pp. 171–182. (In Russian)

Sidorenko L. V. Dinasticheskii vopros v Anglii na rubezhe 17–18 vekov [The Dynastic Question in England at the Turn of the 17th–18th Centuries]. *Trudy kafedry istorii novogo i noveishego vremeni*, 2014, no. 13, pp. 36–58. (In Russian)

Solov'ev S. M. *Sochineniia: v 18 knigakh. Kniga IX: Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [Works: in 18 Books. Bk. 9: History of Russia since Ancient Times]. Moscow: Mysl', 1993. (In Russian)

Stankov K. N. Dvor Iakova II Stiuarta i iakobitskaia emigratsiia vo Frantsii [Court of James II Stuart and Jacobite Emigration in France]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2014, no. 4, pp. 44–56. (In Russian)

Terekhova N. G. Padre Archelli i ego nevyopolnimaia missiia [Padre Arcelli and His Impossible Mission]. *Rossii i Italiia. Sbornik. Vypusk. 6: Ital'iantsy v Rossii ot Drevnei Rusi do nashikh dnei* [Russia and Italy. Issue 6: Italians in Russia from Ancient Russia to the Present Day]. Ed. by E. S. Tokarev, M. G. Talalai. Moscow: Lenand, 2015, pp. 169–184. (In Russian)

[Terekhova N. G.] “Archelli peredast izustno Vashemu Imperatorskomu Velichestvu vse, chto ia dolzhen posredstvom onogo donesti do Vashego svedeniia”. Pis'mo gertsoga Parmy i P'iachentsy Franchesko Farneze rossiiskomu imperatoru Petru I". 1723 [“Arcelli will Verbally Convey to Your Imperial Majesty Everything that I Have to Bring to your Attention”. Letter of the Duke of Parma and Piacenza Francesco Farnese to the Russian Emperor Peter I. 1723]. *Istoricheskii arkhiv*, 2016, no. 2, pp. 193–195. (In Russian)

Vozgrin V. E. *God 1725* [Year 1725]. St. Petersburg: Informatsionno-izdatel'skoe agenstvo “LIK”, 2007. (In Russian)

Vul'f D. Dom Romanovykh i Germaniia: o znachenii dinasticheskikh sviazei v mezhdunarodnykh otnosheniakh [The House of Romanov and Germany: on the Importance of Dynastic Ties in International Relations]. *Evropeiskie monarkhii v proshlom i nastoiashchem 19–20 veka* [European Monarchies in the Past and Present of the 19th–20th Centuries]. St. Petersburg: Aleteiia, 2001, pp. 234–244. (In Russian)

Yurganov A. L. *Kategorii russkoi srednevekovoi kul'tury* [Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow: Institut «Otkrytoe obshchestvo»; MIROS, 1998. (In Russian)

Submitted: 19.01.2022

Accepted: 08.02.2022

Published: 10.04.2022